

ספֿר

Центр научных работников и преподавателей иудаики
в вузах "Сэфер"

Межрегиональный Центр преподавания иврита

**Язык иврит:
исследование
и
преподавание**

**Материалы Десятой и Одиннадцатой
Ежегодных международных
междисциплинарных конференций
по иудаике**

Москва 2004

УДК 811.411.16`08(063)
ББК 81.2Ивр.

Издание осуществлено при финансовой поддержке:
Американского Еврейского Объединенного Распределительного
Комитета (ДЖОЙНТ);
Благотворительного Фонда Ханадив

Published with the support of:
the American Jewish Joint Distribution Committee (JDC);
Hanadiv Charitable Foundation (HCF)

Общая редакция
А.А. Крюков, Е.Б. Марьянчик

ISBN 5-98604-006-6

© Центр научных работников и преподавателей
иудаики в вузах "Сэфер", 2004
© Межрегиональный Центр преподавания
иврита, 2004
© Коллектив авторов, 2004

Полемика

**Проблемы преподавания иврита в высшем
учебном заведении**

(соотношение разговорного языка и нормы)

В трех высших учебных заведениях Москвы: ГКА им Маймонида, ЦИиЕЦ и ВГШ им. С. Дубнова иврит преподают одни и те же преподаватели по одной и той же программе. Основу нашей программы составляет израильский курс для студентов-иностранцев, разработанный в Еврейском Университете в Иерусалиме.

Наша цель – за 3 года "довести" студентов до сдачи конечного экзамена, "птора" (от ивр. "פְּטוּר" – свобода) для того, чтобы они: слушали лекции израильских преподавателей, читающих различные спецкурсы, читали бы книги, необходимые им по профессии, писали работы по теме и могли участвовать в обсуждении научных работ.

Программа действительно сложна для освоения. В зависимости от семестра и университета количество аудиторных учебных часов колеблется от 8 до 12 в неделю. В дополнение к этому на выполнение домашнего задания необходимо затрачивать в среднем по 3 часа каждый день. Большой объем материала, ограниченное количество часов вкуче с увеличивающимся от семестра к семестру темпом осложняют освоение материала.

Наша программа изначально была предназначена для обучающихся в Израиле – в атмосфере языка, при постоянной практике, чего наши студенты лишены. К слову, количество часов иврита колеблется от четверти до трети от общего количества учебных часов.

Студенты предельно загружены, в конце каждого семестра их ожидает тяжелый экзамен или зачет, состоящий из трехчасовой письменной работы и собеседования, проводимого комиссией. Все эти факторы вместе приводят к тому, что доля успешно сдавших заключительный экзамен в конце 3 курса редко превышает 50%.

Те, кому удастся получить положительную оценку на экзамене, говорят на таком иврите, что израильтяне удивляются правильности и чистоте их языка. Но у меня нет уверенности, что в таком случае можно считать нашу цель достигнутой. Иврит наших студентов нельзя в полной мере назвать государственным языком Израиля, насколько их речь "стерилизована" и оторвана от реальности. В подобной ситуации неудивительно, что некоторым из них иврит вообще представляется изобретением преподавателей, призванным третировать несчастных студентов. Когда же эти студенты попадают в Израиль, их реакция оказывается непредсказуемой. Од-

на из студенток была искренне удивлена, что на иврите в Израиле говорят... Ведь этот язык представлялся ей мертвым языком грамматических "экзерсисов". Другой студент пытался использовать выражение "קל וחומר" на центральном рынке Иерусалима, совершенно не принимая во внимание, что простой язык – язык рынка и улиц – существенно отличается от литературного языка, которому его научили в институте.

В нашем случае студенты оказываются под сильнейшим давлением. Их задача осложняется еще более, поскольку информация, изложенная в учебниках, преподаваемая студентам как норма, зачастую оказывается спорной, причем основным источником проблемы оказываются используемые учебники (те же самые, по которым преподают в Еврейском Университете в Иерусалиме). Иногда информация, изложенная в виде правила в одном учебнике, входит в противоречие с изложенным на следующем этапе. Возникает резонный вопрос: каковы предпочтения, и на что опереться преподавателю, который иногда оказывается в незавидном положении. Даже рекомендованные нам книги по языковой норме, не приносят заметного облегчения, потому что противоречия встречаются и там. Кроме этого, в учебниках очень часто встречаются не принятые Академией языка иврит живые разговорные формы, и по идее, мы, преподаватели, должны их исправлять. Количество исправлений и их характер зависят исключительно от предпочтений и педантичности преподавателя. Иногда оригинальный текст из учебника после исправлений выглядит весьма плачевно.

Каков возможный выход из создавшейся ситуации? Можно уменьшить объем информации до самых "чистых" и правильных конструкций. Но тогда огромный пласт лексики, который мы не имеем права игнорировать, будет попросту вычеркнут из языка студентов, отчего их иврит очень сильно потеряет. Не узнают учащиеся таких выражений, как "מתחשק", "כתוצאה מכך", "בא לו" и многих, многих других. Можно раскрыть студентам все противоречия, запутав их при этом окончательно, и объяснить, что хотя иврит и является богатым и динамично развивающимся языком, ему катастрофически не хватает четко сформулированных правил.

В повседневной работе мы вынуждены сочетать оба этих варианта, но и этот "третий путь" не является оптимальным. Наша

политика приводит (и в сущности) привела к возникновению "учебного" языка, в действительности не существующего. Много внимания уделяется различным конструкциям, относящимся исключительно к литературному ивриту, а в реальной жизни не используемым. Студенты (и это вина преподавателя) часто не чувствуют разницы между языком письменным и живым и говорят так же, как пишут. Когда они говорят с израильянами, то используют те же красивые конструкции и фразы, а это делает их речь неадекватной. На следующий этап развития проблемы студенты начинают осознавать, что их красивый литературный язык, которым они с таким трудом овладели, не подходит для использования в конкретной языковой ситуации, и замыкаются, т.к. иначе просто не могут себя выразить. Живой разговорный язык им знаком плохо, им практически негде его услышать и абсолютно негде ему научиться. Мы как преподаватели пока не можем найти сочетание того, что необходимо на экзаменах, с живым языком.

Вот только некоторые примеры. Первые слова, которые узнает учащийся: папа и мама. Правильной формой для выражения "мой папа" является "אבא שלי" без определенного артикля перед словом אבא. Такая же ситуация со словами אִמָּא, סבא, סבתא. В разговорной речи мы гораздо чаще встречаем אבא, האבא, הסבא, הסבתא. Можно ли разрешить студентам употреблять неправильные, но широко распространенные формы? Позволительно ли преподавателям снижать оценку на экзамене за использование подобной формы? Вот немногие из вопросов, которые возникают в подобных ситуациях.

Правила בגדכפ"ן, несмотря на кажущуюся их простоту, также отнимают много времени. Например: без определенного артикля לְבִית, בְּבִית, (без дагеша), но מְבִית (в первой корневой тяжелый дагеш). Многочисленные ошибки в данном случае неизбежны. И пока студенты постигают премудрости בגדכפ"ן, они забывают сами слова, к которым эти правила применялись. Вместо продвижения мы получаем шаг назад. Но и это еще не все: известно, что носителями языка эти нормы практически не соблюдаются, и для устной речи считаются неактуальными, да и в написании реферата не помогут. Усилия оказались потраченными впустую. Тем не менее, вне зависимости от сказанного выше, мы обязаны эти правила объяснить. Вопрос – следовать ли им бук-

важно и насколько на них задерживаться?

От правил чтения к правилам грамматики. От студентов требуется, "естественно", произносить форму второго лица множественного числа прошедшего времени в биньяне עלע с редукцией первого гласного, например: למלת, несмотря на то, что в Израиле такая форма может быть услышана только случайно (или в новостях). Если форма без редукции, считающаяся неверной, прозвучит из уст студента, он будет наказан, а преподаватель получит замечание.

Чуть позже студенты столкнутся с выражениями "למרות ש-", "בגלל ש-", "על מנת ש-". Отрицать существование этих выражений мы можем (в разной степени они вошли во все слои языка и уже не являются признаком неграмотной речи, попадаясь даже в учебниках), но использовать их также не позволяем, из-за того, что они не признаны Академией языка иврит и не считаются нормативными

Глагол "נחשב" по рекомендациям нормативистов, не требует никакого предлога. Но в учебниках чаще представлена разговорная форма с предлогами ל- и כ-.

Подобных примеров можно привести множество, и в каждом случае правомерен вопрос: "Есть ли у нас право считать ошибкой употребление студентами форм, не одобренных Академией"?

Несмотря на огромные затраченные усилия студент рискует остаться белой вороной в Израиле, так как живой разговорный язык в Университете взять практически неоткуда, а любознательности к языку носителей мы не прививаем. Наоборот, мы всячески подчеркиваем, что не рекомендованные Академией формы лучше не употреблять и ни в коем случае не следует брать пример с израильтян.

Что предпочтительней: требовать соблюдения грамматических правил по всем пунктам или прививать хотя бы основы разговорной речи? Теоретически мы понимаем, что очень желательно, чтобы студенты ориентировались и в реальном языке, но как это сделать? Если заниматься разговорным языком одновременно с основным курсом одному и тому же преподавателю, то его раздвоение на две ипостаси, находящихся друг с другом в состоянии войны, навредит в первую очередь ему самому и курсу "פטור".

Вести курс разговорного языка? Но каким ему следует быть? Кто должен его преподавать? По какой программе? По каким критериям и как оценивать успехи студента на зачете (без критериев неминуемы разногласия)? Вот лишь неполный список вопросов, касающихся курса разговорного иврита.

Когда начинать этот курс? Начинать его одновременно с базовым бессмысленно, ведь иврит нормативный и разговорный одновременно и похожи, и различны, а информация, исходящая из двух разных источников не только не усвоится, но и запутает всех окончательно. Если начинать преподавать разговорный иврит на 2 курсе, у студентов возникает ощущение, что до этого их слегка обманывали. Начав с 3 курса, мы рискуем получить еще более скудный результат, потому что "чистый" иврит очень прочно завладел умами, а любознательности и терпимости к "другим" формам мы, как упоминалось уже ранее, не прививаем.

В ГКА им. Маймонида уже несколько лет существует подобный курс, который ведется теми же преподавателями, которые занимаются и основным курсом. К сожалению, их сил не достаточно. При всем моем уважении к коллегам должна заметить, что настает момент, когда лучше, чтобы этот курс преподавался носителями. Но и их взгляда на иврит часто разнятся. Еще важнее, чтобы человек не только знал язык и мог на нем говорить, но также и был в состоянии преподавать его, умел – и хотел – найти общий язык со студентами.

Живой язык неотделим от просторечных и ошибочных форм. Но задача университетов едва ли состоит в том, чтобы учить студентов ошибкам, принятым в разговорной речи в Израиле (а бывает, что и разнящимся от местности к местности). А что делать, если некая неверная с точки зрения грамматики или синтаксиса форма является общепринятой и не режет слух даже самым грамотным носителям языка? Включать ли нам ее в обучение? Что именно отрабатывать на занятиях? Чему учить, а что просто показать, не акцентируя внимание? Быть может, целесообразно поделить все ошибки на уровни с разной степенью "тяжести"? Но сегодня эта работа целиком и полностью ляжет на плечи конкретного преподавателя, и язык, на котором заговорит группа, будет зависеть от одного человека, что само по себе неправильно.

Следующее замечание основано на личных наблюдениях

ях автора и совершенно случайно было подтверждено в Израиле на семинаре по университетскому преподаванию иврита в январе 2003¹. "Нет ничего смешнее иностранца, говорящего на сленге", – сказала одна из участниц и продолжила, – "он думает, что он молодец, но мы-то знаем...". И на самом деле, представьте себе человека с сильным акцентом, с трудом подбирающего слова, *изъясняющегося просторечными выражениями*. Для носителя языка подобное зрелище будет забавным, а над словами проще будет посмеяться, чем воспринять всерьез. Будет лучше, если язык студентов будет изначально нейтральным.

К сожалению, пока все вышеприведенные вопросы будут оставаться без ответов, качество преподавания существенно не улучшится. Но приходится констатировать, что сегодня они так же далеки от разрешения, как и несколько лет назад.

К. Дубнова

В 2003-2004 учебном году объединенная группа студентов второго курса ЦИиЕЦ, ГКА им. Маймонида и ВГШ им. С. Дубнова оказалась в состоянии, задолго до окончания учебного года, слушать лекции по языкознанию на иврите, а также активно участвовать в дискуссии по изучаемому материалу – на том же языке. При этом, в отличие от предыдущих лет, уровень иврита учащихся трех указанных учебных заведений в среднем примерно одинаков. Иврит, используемый на лекциях, содержит самые различные социолекты современного устного языка от сугубо академического, приближенного к письменному до народно-разговорного, и все это под силу студентам. Как же удастся достичь столь разностороннего практического владения языком в такой короткий срок? Очевидно, что студенты совершают совместно с преподавателем настоящий марафон, особенно в первые два года обучения.

В данной статье читателю открывается дополнительное препятствие в и без того трудных "скачках" по сверхбыстрому овладению ивритом – необходимость балансировать между литературной нормой и живым разговорным языком. Различие

---

¹ Семинар проводится ежегодно под руководством проф. А. Мамана, действительного члена Академии языка иврит.

между литературной нормой и устной речью существует в любом языке, и в некоторых языках, в том числе и в современном иврите, они особенно велики. Но, конечно же, задача преподавателя иврита в данном аспекте значительно легче, чем, скажем, преподавателя английского языка, которому поручено научить студентов литературному языку и различным разговорным диалектам. В израильском иврите, по крайней мере, территориально-диалектические деления сравнительно ничтожны...

И. Гамеир

Из статьи И. Баркусовой следует, что сохраняются сомнения в отношении языковых стилей и лексики, которым следует обучать студентов в рамках перегруженной учебной программы вузов – при том, что существуют языковые регистры, которые не изучаются по ряду объективных и субъективных причин (нехватка времени, отсутствие подходящих преподавателей, а также определенная концепция основного курса). Мне кажется, что целесообразно внимательно и скрупулезно рассмотреть основные аргументы автора.

Вне всякого сомнения, вопрос выбора языкового регистра и стиля затрагивает и волнует всех изучающих иностранный язык, так как многообразие стилей и способов выражения свойственно всем иностранным языкам. Не будучи специалистом в русском языке, я уверен, что и в нем просматривается четкое различие между разговорной и письменной речью, – нет языка, в котором такое различие отсутствовало бы.

Современная лингвистика не игнорирует разговорный язык, напротив – она стремится анализировать его, определяя характерные черты и законы функционирования, а также ареал распространения и условия применения. Иными словами, будучи на рынке, я стану использовать языковые средства, обычные в этой среде, чтобы не быть посмешищем и дабы интегрироваться в конкретную ситуацию. Ведь на рынке распространен сленг, а совершение там покупок обусловлено, в том числе, и умением использовать принятый на рынке язык. На этом остановилась и автор статьи, рассказывая о студенте на рынке "Махане-Йегуда" в Иерусалиме.

Разговорный язык – сленг – не всегда подвластен правилам языковой нормы, он постоянно вырывается за рамки этих правил, на-

вызывая свои собственные законы. Вместе с тем, сленг является языком живым, динамичным, подверженным быстрым изменениям, его использование распространяется на все слои общества. Более того, сленг успешно решает и коммуникативную задачу, в некоторых случаях – эффективнее и короче, чем нормативный язык. Многие слова образуются в сленге из-за отсутствия краткого и точного термина в нормативном языке. Например, глагол "לפרגן" (*радоваться удаче других*) не имеет литературного слова-эквивалента; то же может быть сказано и о словах "הנהון" (*слишком послушный*), "יוֹרָם" (*покорный*), "לְצַפֵּר" (*благодетельствовать*) и мн. др. Сленг, таким образом, призван заполнить пустоты в языке нормативном.

Но и это еще не все. Сленг не является языком "низкого уровня" или "неверным". На сленге говорят представители всех слоев общества, обладающие самым различным образовательным цензом. Уже давно сленг распространился не только в устной речи, но и на письме, да и в литературе. Начиная с заикающихся героев И.Х. Бреннера примерно 100 лет назад, а впоследствии – С. Изхара, У. Орлева, М. Шамира – и вплоть до И. Линор и Э. Кэрта в наши дни – мы находим сленг в литературе, причем не только в речи героев того или иного рассказа, но также в авторском тексте самого писателя, сознательно выбравшего именно такой стиль для самовыражения. Очевидно, что никто не заподозрит этого писателя в том, что он не в состоянии использовать иной стиль. На самом деле, сленг уже не является социолектом низкого социально-экономического слоя, он отражает язык, который носители используют сознательно, выражает языковое главенство, юмор и насмешку, даже определяет – без конкретных слов – тему и дух вещей.

Из сказанного выше напрашивается вывод, что изучающий язык **не может не знать** сленг как неотъемлемую часть изучаемого языка. Поэтому я был удивлен, читая, что студенты чувствовали себя обманутыми, познакомившись с новым регистром, или что некий стиль был отвергнут как "неверный" или "ошибочный". Отношение ученика к изучаемому языку формируется под влиянием преподавателя. Если преподаватель занимает позицию судьбы в отношении конкретного языкового ключа, это же сделает

¹ Следует обратить внимание, что буква 'п огласована "шва"! (прим. автора).

и его ученик. Следует изучать язык, признавая легитимность каждого распространенного стиля, определяя при этом его ареал и условия использования. Нет сомнения, что это современный и верный подход.

Следует, быть может, вернуться назад и определить функции языка. Они многочисленны и распространяются на многие сферы – коммуникативные, общественные, личные, политические и т.д. Но основной функцией языка является именно коммуникация. Как же можно отвергать распространенный стиль, чрезвычайно успешно выполняющий свою функцию, аргументируя это тем, что он не соответствует законам, бывшим в силе тысячи лет назад (например, закону ל"פגלד, упомянутому автором) или определять его как "неверный". Кто будет делать вывод, что верно, а что ошибочно? Даже Академия языка иврит разрешает использование неверных форм, если они укоренились в повседневной речи. А истинное решение принадлежит возможности конкретного слова или выражения существовать и выполнять свою коммуникативную роль.

Ясно, что необходимы определенные оговорки, обусловленные необходимостью принимать во внимание эстетическую, литературную и художественную ценность слова. Эти допуски устанавливаются Академией языка иврит, а также языковой действительностью, и необходимо найти "золотую середину" между этими двумя противоположными факторами, и это занятие – непростое и отнюдь не формальное. По-моему, решение заключается в возможности выбора стиля, подходящего конкретной аудитории в конкретных условиях.

Эта цель может быть достигнута только в случае непосредственного контакта учащихся с владеющим всеми языковыми регистрами или, если они будут жить в ивритоговорящем окружении, иначе говоря – в Израиле. Конечно, цель может быть достигнута и в России, но только с учителем – уроженцем Израиля, в совершенстве знающем иврит, но одновременно являющимся профессиональным филологом, лингвистом и преподавателем.

Остается еще один вопрос, как сделать все это в кратчайшие сроки и находясь в жестких рамках учебной программы? Мне кажется, что следует оценить предпочтительность различных языковых курсов и выстроить систему, соответствующую описанной действительности.

Что же касается уровня требовательности и высокого отсева студентов (о чем также говорит автор), то они могут быть, как мне кажется, связаны с определением целей университета. Обсуждение этой темы следует обсуждать отдельно и в иных рамках, так как эта тема не связана с обсуждением сущности языка и путей его изучения.

А. Крюков

**Изучение и преподавание разговорного иврита –
важная научно-педагогическая задача**

*В наши дни "разговорный иврит" – это первый,
главный и в большинстве случаев единственный
язык тех, кто родился в Израиле, или приехал
сюда в юном возрасте. Это национальный язык
Проф. Хайим Бланк*

Как известно, одним из показателей "здоровья" любого научного, педагогического и вообще творческого коллектива является открытый обмен мнениями, живой заинтересованный разговор между коллегами – "Что и как делать?", "Правильно ли мы это делаем?".

В этой связи отрядным явлением следует считать небольшую дискуссию, которая состоялась в ходе одного из заседаний секции иврита на X ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике (Москва, 28-30 января 2003 г.). Поводом для спонтанного, но очень заинтересованного обмена мнениями стало выступление молодого ученого и преподавателя И. Шахбазян (Баркусской) "Проблемы преподавания иврита в высшем учебном заведении: соотношение сленга и нормы". В настоящем сборнике И. Баркусская представила статью с изложением основных идей своего выступления на конференции. Будучи основным оппонентом позиции коллеги Баркусской, я с интересом продолжаю дискуссию.

1. Прежде всего, с удовлетворением отмечу, что статья 2004 г. гораздо более взвешенная и, я бы сказал, раздумчивая, в лучшем значении этого слова, чем несколько ригористичное выступление 2003 г., которое молодой ученый завершила, решительно подняв руку "против сленга", кстати, оказавшись в абсолютном меньшинстве в аудитории. Сегодня же автор статьи со-

вершенно правильно признает, что "иврит наших студентов... "стерилизован" и оторван от реальности" (с. 241). Тем самым, по большому счету, закрывается дискуссия – нужно ли нам преподавать студентам-гебраистам разговорный иврит и даже сленг.

В этой связи следует напомнить, что многолетняя дискуссионная кампания (как в академических кругах, так и в обществе в целом) о роли и значении разговорного иврита и сленга для жизнеспособности и полноценности возрожденного иврита ведется в Израиле с начала 50-х гг. XX в. Именно тогда некоторые авторитетные израильские языковеды начали говорить о появлении в стране "альтернативного", "другого", "израильского" иврита, "иврита сабр". Этот "новый" иврит уже тогда – в первое десятилетие израильской государственности – был разговорным языком не только коренных палестинско-израильских евреев, но и значительного числа новоприбывших. "Не только коренные израильтяне говорят на этом языке, – отмечал еще в 1955 г. будущий проф. Иерусалимского университета и член Академии языка иврит (далее: АЯИ) Узи Орнан, – но очень многие из тех, кто приехал в Израиль лишь несколько лет назад" [1: 6].

В 1955 г. радиостанция "Голос Израиля" провела диспут о языке "цабарим". В передаче приняли участие ведущие израильские языковеды: президент АЯИ проф. Н. Г. Тур-Синай (1886-1973), преподаватели и исследователи иврита – д-р Хайим Бланк (1926-1982), создатель первого израильского ульпана д-р Мордехай Камрат, уже упомянутый У. Орнан и литератор, также будущий член АЯИ Ицхак Шалев (1918-1992, отец известного современного писателя Меира Шалева). Ученые и преподаватели-практики сошлись во мнении, что очевидным фактом языковой ситуации в Израиле является существование особой формы разговорного иврита (далее – РИ). Этот активно развивавшийся "новый" иврит уже на тот момент характеризовался нарушениями нормативной грамматики, обилием иностранных заимствований и характерными для речи палестинских евреев синтаксическо-фонетическими особенностями. Вскоре текст дискуссии был опубликован в журнале АЯИ "Язык – народу" ("לשוננו לעם", подробнее об этом см.: [1]).

В 60-е годы дискуссия о новых тенденциях в развитии иврита продолжилась. Тогда в ежеквартально издаваемом де-

партаментом культуры израильского МИДа на ряде языков журнале "Ариэль", посвященном вопросам культуры, литературы и искусства в Израиле, целый номер был отдан проблемам иврита [2]. Аналогичный тематический номер "Ариэля" ("100 лет иврита") вышел спустя 21 год – в 1990 г. [3].

2. Корректно скептическая, а, по сути – однозначно отрицательная позиция И. Баркуской (в выступлении на упомянутой выше конференции) в вопросе о преподавании (а, следовательно – и научном изучении) РИ и сленга отчасти повторяет настроения, царившие в среде израильских языковедов на более раннем этапе (середина 50-х – начало 60-х гг. XX в.). Тогда у многих существовал устойчивый эмоционально-негативный подход к теме "разговорный иврит" как к чему-то "несерьезному" в научном плане, легковесному, преходящему и не достойному внимания на фоне, скажем, изучения библейского, или средневекового иврита. "В израильской культуре, – констатирует филолог Р. Бен-Шахар, – было принято относиться к разговорному ивриту несерьезно и даже враждебно. Вызывает большое удивление, что до сегодняшнего дня очень многие в Израиле выступают против как самого разговорного иврита, так и против его изучения" [6].

Некоторые изменения наметились в конце 50-х гг. прошлого века, когда появились публикации Х. Бланка и монография Хайима Розена "Наш иврит" [5], вызвавшая немало противоречивых откликов в среде израильских языковедов [4: 31].

Проф. Х. Бланк в начале 50-х гг. прошлого века начал публиковать (под псевдонимом "ח. בלנק") заметки о просторечном иврите в разделе "Язык, на котором говорят люди" литературного журнала "אשכול". "Хайим Бланк был первым, кто отважился дать описания характерных явлений разговорного иврита. – Писал позднее авторитетный израильский лингвист, член АЯИ, проф. Хайим Рабин. – ...Его статьи открыли новый период в изучении современного иврита" [7: 8]. Обобщающей работой в этом направлении стала книга Бланка с уже знакомым названием "Язык, на котором говорят люди" ("לשון בני-אדם"), изданная в Иерусалиме в 1989 г. Однако, эта работа, по нашему мнению, представляет собой скорее хорошо иллюстрированный многочисленными примерами обстоятельный и занимательный

рассказ об особенностях просторечного иврита 50 - 70-х гг. прошлого века, чем научную монографию в строгом понимании. В целом, можно согласиться с тем же Х. Рабином, который отмечал, что "исследования и публикации Хайима Бланка дали толчок в деле изучения разговорного иврита" [7: 9].

3. "Наша (преподавателей – нормативистов, сторонников академического иврита. – А. К.) политика, – объективно констатирует И. Баркусская, – привела к возникновению некоего "учебного" языка, в действительности не существующего. ...Студенты (и это вина преподавателя) часто не чувствуют разницы между языком письменным и живым и говорят также, как пишут" (с. 243). Особенно ценно, что это признание делает противник (до недавнего времени) преподавания РИ и сленга.

И это в Израиле уже проходили. Еще в 1953 г. – год создания Академии языка иврит – видный лингвист З. Бен-Хайим, будущий второй президент АЯИ, отмечал: "В иврите существуют разнообразные уровни словаря, синтаксических форм и в меньшем объеме – форм спряжения. Эти уровни сосуществуют совместно и одновременно, а не один над другим, как в языках, история которых не знала перерывов" [8: 44]. Тем самым ставилась задача изучения и преподавания всего богатейшего спектра возрожденного иврита. Понятно, что означенный тезис является установочной научно-педагогической задачей для всех гебраистов-филологов, где бы ни разворачивался процесс изучения и преподавания этого языка.

В Москве изучение и преподавание разговорного иврита началось еще в середине 90-х гг. прошлого века. Тогда автор этих строк, с начала 80-х годов собиравший материалы на РИ и сленге (статьи, художественные произведения, словари, видеофильмы и аудиокассеты с выступлениями сатирических и рок-групп), начал читать курс РИ студентам-гебраистам ИСАА (тогда приписанным к кафедре арабской филологии). Одновременно некоторые студенты (разумеется, по желанию) начинали писать научные работы по означенной тематике. Так, первыми удачными дебютами этого плана следует считать курсовые работы Е. Леоновой ("К вопросу о сленге в современном иврите") и А. Вайсман ("К вопросу об армейском сленге в иврите"). Несколько позднее в ГКА им. Маймонида выпускником

И. Животовским была успешно защищена дипломная работа по ивритскому сленгу, а М. Свет в ИСАА – первая магистерская диссертация "Место и роль арабизмов в современном ивритском сленге". Процесс пошел...

4. "Живой разговорный иврит им (студентам. – А. К.), – пишет И. Баркусская, – знаком плохо, им практически негде его услышать и абсолютно негде ему научиться" (с. 243). И далее: "...живой разговорный иврит в университете взять практически неоткуда" (с. 244).

Напомню слова Баруха Спинозы: "Ignorantia non est argumentum" ("Этика". Часть 1. Прибавление). Как минимум, в трех гебраистических вузах, где успешно работает моя уважаемая коллега, уже не один год преподаются РИ и его сленг. Итак: в ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова – студентам филологам и историкам 3-го курса (семестровый курс), в ГКА им. Маймонида – студентам-филологам 3-го курса (семестровый курс), в ВГШ им. С. Дубнова (еще со времен ЕУМ) – студентам 3-го и 4-го курсов факультета иностранных языков (семестровый курс). Помимо этого, означенный курс читался студентам Высших курсов иудаики при ИСАА, а также слушателям отделения гебраистики Московского института повышения квалификации работников образования.

Вместе с тем, я готов согласиться с И. Баркуской в том, что "настанет момент, когда лучше, чтобы подобный курс преподавался носителями языка" (с. 245). Однако делать это должны такие знатоки сленга (специалистов этого социолингвистического профиля единицы и в Израиле), как Натива Бен-Ехуда, Рувик Розенталь, Мошэ Яхалом, Ури Сэла, Орен Цивлин, Майк Эльдад, Аркан Карив, Исраэль Палхан или Эрнст Трахтман. Замечу лишь, что благие пожелания не всегда становятся реальностью.

Таким образом, в современных условиях перед российскими филологами-гебраистами встает насущные научно-теоретическая и практическая задачи по изучению и преподаванию современного разговорного израильского иврита. Это необходимо как в силу практических потребностей, определяемых расширяющимися российско-израильскими отношениями в целом ряде областей (уже несколько выпускников ИСАА находятся на практической работе в Израиле), так

и в научных целях, поскольку иврит, являясь одним из старейших языков мира, в тоже время продолжает динамично развиваться, об-служивая все сферы жизни израильского общества.

Актуальность исследования современного РИ и его сленго-вых групп определяется и тем, что он оказывает существенное влия-ние на общий лексическо-фразеологический состав иврита и его се-мантико-стилевой строй, на язык средств массовой информации и официальный иврит (выступления депутатов Кнессета и язык госу-дарственно-политических документов). Более того, разговорный ив-рит и его ядро – сленг – в последние десятилетия полноправно и все более объемно присутствуют в художественной литературе, в том числе в произведениях признанных писателей. Этот лексико-фразеологический корпус необходим авторам, чтобы адекватно ото-бразить речь своих героев, главным образом, сегодняшних израиль-тян, причем не только молодых. Показательными в этом плане явля-ются, например, сборники рассказов популярных современных про-заиков Э. Кэрета и У. Вайля, романы и рассказы О. Кагель-Блум, М. Тальми, Н. Захави, книги Й. Гэфена, некоторые романы Й. Каню-ка, И. Бен-Нера и ряда других современных писателей. Этот лексико-фразеологический корпус нужен литераторам и для объективной по-веденческо-речевой характеристики представителей некоторых со-циальных, профессиональных или этнических групп. "Современные писатели и поэты все более нуждаются в словарном запасе разгово-рного иврита", – отмечали Д. Бен-Амоц и Н. Бен-Ехуда еще в начале 80-х гг. XX в. [9: 1].

Изучение РИ важно также тем, что позволяет обнаружить глубинные тенденции, влияющие на развитие национального язы-ка в целом. РИ стал общенародным койне, которым пользуются все слои населения – от израильских арабов и неизбежно в том или ином объеме приобретающих его приехавших новых имми-грантов (разумеется, с характерными особенностями произноше-ния) до старожилы и коренных израильтян, с рождения находя-щихся в языковой среде иврита.

Понимание особенностей РИ и погружение в него поможет приблизиться к максимальной адекватности в появляющихся в по-следние годы в России первых переводах произведений израильской литературы, – то есть в итоге будет способствовать важнейшему процессу понимания и сближения культур и народов.

Библиография

1. על לשון ה'צברים" (ייכוח מסביב לשולחן עגול) \\ לשוננו לעם. י-ם, התשט"ו, ו, ב.ג. עמ' 3-17.
2. Ariel. Special Issue. The Revival of the Hebrew Language. Jerus., N 25, 1969, 112 p.
3. Ариэль. Журнал современного израильского искусства и литературы. Иер., N 5, 1990. 108
4. בר־אדון אחרון. לשוננו המדוברת של הדור הצעיר בישראל - כנושא למחקר (במסגרת חקר העברית הדבורה בישראל) \\ "החינוך", 1963, ע' 21-35.
5. ריון חיים. העברית שלנו. דמותה באור שיטות הבלשנות. י-ם. 137 עמ'.
6. בן-שחר רינה. שאיפה תמימה: לדבר בדיוק כמו שכותבים הארץ. 6.10.2000.
7. רבין ח' מבוא בלנק ת. לשון בני אדם. י-ם, 1989, עמ' 7-9.
8. בן-חיים ז'. לשון עתיקה במציאות חדשה לשוננו לעם. 1953. עמ' 3-58.
9. בן־אמוץ דן, בן־יהודה נתיבה. מילון עולמי לעברית מדוברת. כרך א'. ת"א, 1982. מ'ע 238

М. Едовицкий

Прежде всего, хотелось бы отметить, что в рассматриваемой теме для меня являются неприемлемыми любые крайности. Конкретно остановлюсь на нескольких моментах.

Во-первых, есть нормативный язык, признанный Академией. И, вне всякого сомнения, студенты, изучающие иврит в университетах, тем более – вне Израйла, должны быть сориентированы прежде всего на норму. Поэтому ответ на вопрос, что именно должно быть основой преподавания иврита в вузах, для меня ясен. Это – норма.

Во-вторых, существует разговорный язык, сленг, который в большинстве случаев не противоречит норме. Для разговорного языка характерно нестандартное, сленговое, идиоматическое употребление тех или иных слов, словосочетаний (например, многозначные глаголы приобретают нестандартные значения, непривычные и непонятные для представителей иных культур). Это – важнейшая компонента языка, источник его развития, живая прослойка, которая, с одной стороны отражает ментальность языка, а с другой стороны сама порождает эту ментальность, фиксирует ее. Ее изучение является важным и крайне желательным.

В-третьих, для иврита характерно использование разнообразных синонимичных конструкций (это могут быть разные *регистры, стили* – например, официальных писем, газетной статьи, лекционного текста и мн. др., а также стихийно установившиеся своего рода *стандарты*). При этом использование каждой из множества синонимичных конструкций характерно лишь для конкретной языковой ситуации – для иных же ситуаций использование данной конструкции (даже возможное с формальной точки зрения, например, с точки зрения авторов словарей), не будучи общепринятым, может оказаться категорически не приемлемым. Это действительно создает проблему, потому что, приезжая в Израиль, человек сразу выдает себя; иногда же для окружающих вообще оказывается непонятно, что он имеет в виду. Этот момент является принципиальным и требующим особого внимания; для его отработки в вузах нужны специальные курсы. Отметим, что дело не только и даже не столько в том, московский студент в Израиле почувствовал себя смешным (например, сказав *לולו* вместо *לולי*). Важно то, что сочетание многообразия значений одного и того же слова и их мелких нюансов отражает ментальность языка. Овладение этим багажом позволяет понять, какими категориями мыслит ивритоговорящий человек, является редкой возможностью проникнуть куда-то очень глубоко, внутрь самой лаборатории языка, понять механизм его естественного развития, глубинную суть, понять пресловутую израильскую ментальность. Достигнуть этого можно, анализируя использование тех или иных синонимичных форм в разнообразных ситуациях, исследуя многообразие значения того или иного слова, причем нередко с точки зрения русского языка (но не иврита!) невозможно усмотреть в этом никакой логики. Анализируя это различие между двумя языками на основе родного языка, можно проникнуть в околонервные оболочки и влезть в сам живой нерв языка, в его артерию. Мне кажется, что это – тема, требующая серьезной разработки. Это то, что в значительной степени недостает студентам.

В-четвертых, это использование тех или иных слов или выражений, являющихся ошибочными с точки зрения официальной нормы. По-моему, следует называть вещи своими именами, это – ошибки. К ошибкам относятся и те, которые в Израиле воспринимаются как приемлемые формы (ибо так говорят многие), и те, которые по недоразумению вообще воспри-

нимаются в качестве верных конструкций. Интересно, что важную миссию своего рода ревнителей чистоты языка выполняют именно московские вузы. Я полагаю, что следует приучать студентов говорить верно, снижая оценки за неверные формы¹. Тем не менее, необходимо признать существование исключений (когда жизнь берет свое – как в случае с приведенной И. Баркуской в качестве примера формой םלמל – а также выражением "שנים מספר"), когда формальные требования нормы не просто сталкиваются с действительностью, но противоречат этой действительности на все 100%. В этих случаях я бы не снижал оценку за использование принятой формы (которая не считается неверной ни с чьей точки зрения), вводя на уроках оба варианта.

В любом случае, хочу подчеркнуть, что в проблеме выбора между нормативно-академическим и разговорно-общепринятым стилем следует руководствоваться здравым смыслом.

О. Тафрова

"Язык стал для нас одновременно и проблемой и образцом и, быть может, близок час, когда эти две его роли начнут сообщаться друг с другом"

Барт Ролан

В статье И. Баркуской затронут ряд вопросов, на большинство из которых, насколько я понимаю, на сегодняшний день, нет однозначных ответов. Имеются прямо противоположные мнения, каждое из которых имеет право на существование, но вот возможно ли в данном вопросе отыскать "золотую середину", скорее всего, мифическую, остается неясным.

Что предпочтительнее: требовать соблюдения грамматических правил по всем пунктам или прививать хотя бы основы разговорной речи?

¹ Например я снижал бы оценку за использование таких форм, как "למרות ש-", "בגלל ש-", מְדַבֵּר, מְלַמֵּד, מְבִיֵן, מְלַמֵּד, מְדַבֵּר, отдавая себе при этом отчет, что все эти формы весьма распространены в Израиле даже среди самых уважаемых представителей интеллигенции, профессоров (лично я последнее время исправляю всех в этих случаях).

Во-первых, сразу возникает вопрос, что же считать основами разговорной речи, поскольку материал, изучаемый в первом семестре, на мой взгляд, направлен именно на закладывание основ и, разумеется, не основ высокого, литературного иврита. Никто не требует от начинающих конструкций типа "אני עובד, אלא לומד".

Во-вторых, различия между литературным, канцелярским и разговорным языком существуют не только в иврите, но пропасть между ними не настолько велика, чтобы нельзя было совместить их изучение в рамках учебной программы.

Если же говорить о ненормативных конструкциях, повсеместно используемых носителями языка (например "יש לי חא"), то их внедрение в программу, в особенности в рамках университетского курса, не представляется мне возможным. Приведенная выше конструкция не является единственным примером, хотя я намеренно привожу здесь именно крайний вариант одной из наиболее распространенных ошибок в Израиле. Думаю, что за использование подобных форм, следует снижать оценку на экзаменах и всячески бороться с ними, как ошибочными. Следует заметить, что и это явление (стихийное возникновение в разговорном языке форм и конструкций, не верных с точки зрения грамматики) существует в разных языках, а не только в иврите. Однако вряд ли нормальные родители согласятся, чтобы их ребенка обучали в школе заведомо ошибочным формам, даже если эти формы употребимы в данной семье и ее окружении, что, безусловно, окажет влияние на речь ребенка. И все же "в языке няnek не должно быть погрешностей" (Квинтилиан). Поэтому с моей точки зрения в преподавании следует придерживаться нормы.

Я прекрасно понимаю, что, несмотря на то, что я являюсь студенткой ИСАА, мое мнение в данном случае не отражает мнения большинства студентов, скорее наоборот. Любопытно, что в начале учебного года, я однозначно выступила бы в пользу разговорного языка и привела массу аргументов в защиту своей позиции. Дело в том, что в моем сознании, все владеющие ивритом (не носители языка) делились на две категории:

- разбирающихся в совершенстве (в моем понимании) в грамматике, но испытывающих трудности в беглой, свободной речи,
- свободно "болтающих", но при этом абсолютно некомпетентных в вопросах грамматики.

Разумеется, мне совершенно не приходило в голову отрабатывать на уроках¹ формы типа פָּרָא с ударением на последнем слоге. Когда же ученики натыкались в учебниках на формы типа "לְמַדְתֶּם", им тут же предлагалось забыть об их существовании, поскольку так не говорят в Израиле.

Что же заставило меня настолько радикально поменять свое мнение в данном вопросе? Тот самый чистый и правильный иврит, который пленил меня буквально с первых же дней пребывания в университете. И на сегодняшний день, я абсолютно убеждена (на собственном примере), что, попадая в среду носителей языка, не составляет труда довольно быстро овладеть наиболее распространенными, в том числе и ошибочными, конструкциями (и это гораздо легче, чем потом искоренить их из собственной речи). Побывав дважды в Израиле (причем оба раза меньше месяца!) мне до сих пор стоит определенных усилий воздерживаться от употребления таких выражений как: לְתַפֵּס, "אֲחֵרָא עַל", "לְמִרּוֹת שֵׁ-", "בְּגִלּוֹל שֵׁ-", а также "желания" вставить слово כְּאִילוּ куда попало и без всякой надобности, и это только начало списка. Другими словами, думаю, не стоит беспокоиться, что, попав в Израиль, студенты замкнутся и не смогут себя выразить. Период адаптации, несомненно, будет, но "разговорный" иврит приходит быстро (если, конечно, в силу убеждений человек не "бодрствует" и не устанавливает сам для себя границы дозволенного – что достаточно сложно сделать, находясь в Израиле). А вот возможность выучить на должном уровне именно правильный, литературный язык, вряд ли представится, поскольку в большинстве ульпанов (как в Израиле, так и в диаспоре) акцент делается как раз на разговорный язык. Поэтому считаю, что стоит ценить возможность, предоставленную московскими вузами, перечисленными в статье И. Баркусской.

Конечно же, я не сторонник крайностей (в любом их проявлении) и все, сказанное выше, вовсе не означает, что поднятая в статье проблема сочетания стилей, изучаемой лексики, критериев оценки знаний и т.д. не имеет места. Напротив, затронутые в данной статье вопросы слишком многогранны, и на большинство из них у меня просто нет ответов.

¹ До приезда в Москву автор два года преподавала в ульпане Еврейского агентства в Донецке. (прим. ред.)

Предложение поделить все ошибки на уровни с разной степенью тяжести, по-моему, приведет к еще большим проблемам, как в преподавании языка, так и в его освоении. Не вполне ясно, кто в данной ситуации может вынести подобный вердикт, и по каким, собственно, критериям. Наряду с этим, очевидно, что совершенно не считается с определенными изменениями, которые естественны для любого живого языка и происходят под влиянием различных культурных, исторических и социологических факторов, тоже нельзя, поскольку было бы довольно странно обучать языку, на котором никто не говорит. Какие же из разговорных конструкций вошедших в современный язык "забраковать", а к каким проявить снисходительность и смириться с их правом на существование? Этот вопрос для меня пока остается открытым. Предложение ориентироваться, в качестве эталона в иврите, на речь представителей "ишува" (т.е. интеллигенции, живущей не одно поколение в Израиле), выглядит заманчиво, но, к сожалению, на сегодняшний день подобной статистики не существует.

Еще одной из не разрешенных проблем является для меня уже упомянутый вопрос границы дозволенного, так называемой красной черты. Поскольку общих критериев в данном вопросе не существует, и каждый определяет эту границу сам для себя, в силу своих убеждений, сформированных под воздействием различных, зачастую достаточно субъективных факторов, то возникает проблема появления определенного списка "пограничных слов", т.е. слов, которые для одних находятся за красной чертой, а для других – либо нет, либо на грани. Например, Ю. Беленькая, преподаватель одного из израильских ульпанов, высказывая свое мнение в отношении сочетания в преподавании разговорных и нормативных форм, отметила, что безусловно следует обращать внимание учеников на правильное произношение буквы ך, а также на использование определенного артикля в смихуте. Наряду с этим, она подчеркнула, что не считает нужным отрабатывать произношение слов типа ךָּ или ךֿ в настоящем времени с ударением на последнем слоге, хотя о существовании нормативной формы она, конечно же, рассказывает своим ученикам. Причиной этого является нежелание преподавателя противопоставлять язык своих учеников общепринятым в Израиле формам.

Возникает вопрос, должны ли требования, предъявляемые к студентам, зависеть только от убеждений их непосредственного преподавателя, или же необходимо обязать всех преподавателей при-

держиваться одной "красной черты". По-видимому, оба предложения звучат довольно абсурдно, хотя лично я предпочитаю, чтобы рамки были установлены и четко определены.

Что касается сленга, то его лексика сильно отличается по стилю от письменного и литературного языка, однако большинство форм и конструкций, употребляемых в сленге, не являются ошибочными – зачастую это уже существующие в языке выражения или отдельные слова, которые приобретают какое-либо дополнительное значение. Поэтому изучать этот пласт языка, разумеется, целесообразно – в той мере, насколько это возможно, не живя в среде носителей языка. Я бы назвала этот курс скорее ознакомительным, поскольку сленг (в любом языке) – категория, которая подвержена наиболее частым изменениям, его лексика довольно быстро устаревает и обновляется, и этот факт несомненно создаст проблемы в преподавании и использовании пройденных студентами выражений в общении с носителями языка, и здесь необходимо быть осторожными. Думаю, чтобы пользоваться сленгом и при этом не оказаться в положении клоунов, нужно определенное время находиться непосредственно в среде носителей языка.

Другая актуальная проблема, затронутая в статье И. Баркусовой, это проблема выбора и переключения регистров и стилей речи. К этой проблеме относится упомянутая автором статьи попытка одного из студентов использовать на рынке выражение, характерное исключительно для литературного языка. Подобных курьезных ситуаций, вызывающих улыбку на лице носителей языка, можно привести немало. Здесь может помочь только постоянная практика, а вот избежать подобных ситуаций, в изучении любого иностранного языка, видимо невозможно. Человека, решившего изучить иностранный язык, можно сравнить с ребенком, который учится ходить. Вероятность, что ребенок ни разу не упадет, равна нулю, но это вовсе не означает, что с ним или с его родителями (учителями) что-то не в порядке, просто ощущение почвы под ногами, как и чувство языка, приходит со временем (с той только разницей, что первое приходит быстрее, ходить дети начинают в годовалом возрасте, а грамотно говорить, даже на родном языке, гораздо позднее), и с этим приходится мириться.

А о том, чтобы "чистый" иврит очень прочно завладел умами студентов, по-моему, можно только мечтать. Не думаю, что целью университетской программы может являться язык "Элочки – людо-

едки". Никогда еще умение говорить на красивом, грамотном языке не считалось отклонением от нормы. Быть "белой вороной" в любом обществе, как и плыть против течения, было трудно во все времена, но без людей, готовых на это, данное общество рискует превратиться в серую, безликую толпу. Думаю, что если бы Э. Бен-Йегуда и его сторонники в свое время отказались быть "белыми воронами", не было бы и нашей полемики.

Вместо заключения: "Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры, чем острее это орудие, чем более точно направлено, тем оно победоносней" М. Горький.

Е. Марьянчик

"Я поставил перед собою задачу в совершенстве овладеть этим чудовищным языком. А как?..Где такие курсы? Где учебники? Ничего нет. И вот хожу я...слушаю, всматриваюсь,... а потом дома запрусь ...и перед зеркалом, шепотом воспроизвожу: митирилизем, импирикритизем, экпроприцея экпроприторов и межродный терцинал. ...Я вывихивал язык и плакал от бессилья. Но...уже через год...почти механически я произносил килбметр, мблodeж, конкретно... Теперь...благодаря новому языку, передо мной все дороги были открыты..."

В. Войнович.

"Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина".

Выступление на X конференции "Сефер" и статья И. Баркусской посвящены актуальной на сегодняшний день теме: что преподавать в московских вузах на специальностях, учебный план которых предполагает систематическое изучение современного иврита, и как преподавать его, т.е. как оптимальным образом построить учебный курс.

Специфика преподавания в вузах России определяется требованиями Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, а также наличием зачетов и экзаменов, качество знаний студента на которых определяется на основании четких критериев. Характерным для вузов является и разделение всех занятий на лекционные и практические, причем при изучении иностранного языка приоритет отдается практическим занятиям, лекции же проводятся по теоретическим и специальным дисциплинам.

Первый вопрос "Что преподавать?" не предполагает, что необходим принципиальный выбор между изучением или нормативного, или разговорного языка. Изучение нормативного языка обусловлено выбором программы "אור" в качестве базовой, а сама эта программа является единственной существующей сегодня программой, позволяющей в сравнительно короткие сроки обеспечить студентам возможность овладеть языком на уровне, позволяющем воспринимать лекции на иврите, участвовать в обсуждении профессиональных тем, а также писать работы на этом языке [1]. Но профессиональное изучение языка предполагает (как справедливо указывает И. Гамеир) признание легитимности каждого распространенного стиля, с учетом его распространения и условия использования. В частности, нельзя не уделять внимание сленгу, представляющему собой неотъемлемую часть языка.

Представляется, что второй вопрос "Как преподавать?" является определяющим. Необходимо учитывать, что Госстандарт РФ ограничивает практические занятия по иностранному языку даже на специальности "Филология" 1200 учебными часами за все время обучения, а для прохождения программы "אור" необходимо не менее 1000 учебных часов, что ограничивает возможные занятия разговорным ивритом одним еженедельным уроком на протяжении двух лет. Добавим к этому, что изучение разговорного языка и сленга в рамках университетской программы едва ли может быть ориентировано на подготовку выпускника, способного вписаться, скажем, в общество торговцев на рынках Израиля. Трудно не согласиться с И. Баркусской, что иностранец, пытающийся говорить на сленге (подчеркнем – говорить, а не использовать изредка какое-либо выражение), может вызвать не умиление, а насмешку.

Чем отличается сегодня разговорный иврит от литературного? Современный Израиль является страной иммигрантов, и во многих семьях иврит не является родным языком для представителей старших поколений [2]. Это не могло не отразиться на языке молодежи, его богатстве и чистоте. Поэтому аргумент о естественном развитии иврита в Израиле (подобно тому, как развиваются государственные языки в других странах) является не совсем безупречным. Современный разговорный иврит (в той мере, что корректно использовать этот термин, не различая речь представителей разных социальных слоев) характеризуется и существенным суже-

нием объема используемой лексики из традиционных еврейских источников и интенсивно развивающимся сленгом, распространением значительного числа ошибочных форм (к ним относятся и ошибки в постановке ударения, и ошибки в гласных) и появлением новых языковых конструкций, синонимичных традиционным. Говоря о разговорном языке в целом, следует, как мне кажется, различать отношение к его составным компонентам.

Изучение сленга (кстати, неоднородного и постоянно меняющегося) является важной составной частью подготовки филолога. И роль преподавателя в данном вопросе является более, чем значимой. При изучении сленга важно не просто вспомнить сотню-другую выражений, находящихся сегодня в ходу у носителей языка (что большинство из них может сделать – без особой пользы для студентов), но провести обязательную многофакторную систематизацию сленговых выражений. Такая задача по силам исключительно серьезному исследователю, и вряд ли важно, будет им носитель языка или нет. Примером именно такого подхода является учебный курс израильского сленга, читаемый А. Крюковым в трех московских вузах.

Анализируя на занятиях распространенные ошибочные формы, едва ли следует отрабатывать их. Ведь и в русском языке немало слов, традиционно произносимых с неверным ударением, например, *обеспечéние*, *тóлика*; в меньшей степени, но также распространены *салат с лососью*, *красивая тюль*, *дикообраз* и мн. др. Зададимся вопросом, заслуживает ли уважения учитель русского языка (или даже начальных классов), позволяющий себе такие ошибки на уроках, и насколько его оправдывает аргумент, что "так говорят"? А изменится ли ответ на эти вопросы, если речь идет об уроках русского языка в зарубежном вузе? Не приблизится ли эта гипотетическая ситуация к описанной в эпиграфе? А учитель английского языка, не умеющий грамотно выразить свою мысль на этом языке? Многие ли подпустят его к своим детям? Ведь ребенку, ведомому таким учителям по дебрям незнакомого языка, будет много сложнее, к примеру, сдать TOEFL, чтобы попасть в американский университет. А ведь израильским аналогом TOEFL является именно "פְטוּר".

Отметим, что терпимость носителя языка к ошибкам не всегда распространяется на иностранцев. Так, единственная за не-

сколько лет ошибка автора при использовании числительных была немедленно и сочувственно прокомментирована одним из находящихся рядом израильтян: "Ну конечно, он же из России". – И это невзирая на то, что ошибки самих израильтян при использовании числительных стали уже печальной традицией. Но ведь даже самые ярые приверженцы разговорного иврита не предлагают отрабатывать конструкции типа "שתי שקל" ("две шекель"), ориентируясь на их распространенность. Этот пример свидетельствует о наличии у каждого преподавателя субъективных ограничений, которыми он не готов поступиться. Для кого-то эти ограничения включают даже "אני לא רוצה", для другого – лишь "יש לי אף", для третьего – и того меньше. Но в вузе субъективность оценки не может не внести хаос, могущий погубить все. Возникает необходимость в стандарте. Принятие же внутреннего стандарта, например, для московских вузов, чревато хаосом иного порядка, скажем, при стажировке студентов в вузах Израиля. Вновь возникнет необходимость в арбитре, своего рода ОТК. Сегодня такой инстанцией является исключительно АЯИ, уполномоченная законодательством Израиля устанавливать "Что верно?" и "Что ошибочно?". Исследование архивов АЯИ показывает, что ее решения определяются соответствием той или иной формы языку еврейских источников (в первую очередь, Танаха), а отнюдь не только распространенностью в повседневной речи. Разумно ли пренебрегать решениями АЯИ? Не приведет ли такая политика впоследствии к полному беспределу?

Иное отношение, как мне представляется, должно быть к тому, какие именно конструкции используются в конкретной языковой ситуации. Так, для автора этих строк стало в свое время сюрпризом, что слова "על כן" (*поэтому*) и לו (*если бы*) практически не используются в устной речи. Приемлемость того или иного литературного выражения в устной речи действительно должна "проверяться" при регулярном общении с носителями языка. Такое общение является своего рода вызовом для изучающего иностранный язык, и, вне всякого сомнения, крайне желательно в качестве составной части учебного процесса в вузе. При этом важно четко определить цель такого общения, чтобы, с одной стороны, не ставить носителя (как правило, не преподавателя языка) в неудобное положение экспоната, ошибки которого с воодушевлением и улыбками фиксируют студенты, но, с другой стороны, не превращая его в источник информации о языковой норме. Перспек-

тивной, но труднореализуемой представляется рекомендация Р. Когена (преподавателя иврита в Пекинском университете) ориентироваться на речь "ишува" (т.е. представителей интеллигенции, семьи которых живут в Израиле несколько поколений).

Вполне логичным представляется замечание И. Гамеира, что в полной мере овладеть нюансами разговорного иврита можно только в Израиле либо при постоянном контакте с учителем – уроженцем этой страны. Однако основные задачи, поставленные перед преподавателями иврита в упомянутых И. Баркусовой вузах, ориентированы на приобретение студентами когнитивных навыков, основанных на фундаментальных знаниях, на построенном "каркасе" для дальнейшего изучения языка. Концепция же, базирующаяся на первичном приобретении коммуникативных навыков в надежде, что более глубокое изучение языка произойдет позже, является, как справедливо указывает М. Едовицкий [3], достаточно рискованной, и вызывает серьезные возражения, по крайней мере, в вузах.

Наименее очевидно, как относиться к новым конструкциям, синонимичным традиционным. Яркими примерами таких оборотов являются выражения "בגלל ש-", "למרות ש-", "בעוד ש-" или "על מנת ש-" (в значении "כדי ש-"). С одной стороны, некоторые из них являются абсолютно логичными, с другой – не признаны АЯИ, так как не встечаются в источниках или используются в них в ином значении. Однако следует принимать во внимание, что АЯИ не склонна принимать принципиальные решения в области синтаксиса и стиля, "чтобы не мешать естественному развитию языка"¹. Таким образом, нельзя исключать, что в будущем развитие литературного иврита приведет все же к признанию хотя бы некоторых из такого типа конструкций со стороны АЯИ (по мнению автора, наибольшие шансы на признание имеются у выражений "בעוד ש-" и "למרות ש-"). Однако на данном этапе, как нам представляется, следует воздержаться от отработки всех ненормативных конструкций на уроках, ограничившись упоминанием об их существовании в устной (а зачастую и письменной) речи, а также – при наличии статистических данных – о степени их распространенности.

¹ По устному разъяснению проф. М. Бар-Ашера, Президента АЯИ.

Резюмируя все сказанное выше, приходится признать, что тема данной полемики в значительной степени обусловлена двойственностью отношения к ивриту в Израиле. С одной стороны, безусловно оправдана гордость за беспрецедентное возрождение фактически мертвого языка, за успехи в его освоении миллионами новых репатриантов. С другой стороны, под влиянием целого ряда факторов в израильском обществе сформировалось достаточно безразличное отношение к проявлениям неграмотности, языковой неряшливости (при абсолютной внутренней убежденности в справедливости такой позиции), а также несколько пренебрежительное отношение к АЯИ (возможности которой реально влиять на происходящие процессы весьма ограничены). А между тем лишь стабильное и предсказуемое развитие иврита в Израиле могло бы поставить точку в полемике.

Библиография

1. Марьянчик Е. Преподавание современного иврита в московских вузах: проблемы и перспективы (опыт последнего десятилетия). Наст. сборник, с. 14-25.
2. Едовицкий М. Специфика преподавания иврита школьникам-репатриантам в Израиле. Наст. сборник, с. 26-35.
3. Едовицкий М. Политика Еврейского Агенства в области преподавания иврита в ульпанах. // Язык иврит: исследования и преподавание. Вып. 6. М., 2002.

И. Баркусская (заключение)

В первую очередь я хочу поблагодарить всех, откликнувшихся на мою публикацию и приславших свои отзывы, я не предполагала, что моя статья вызовет такой широкий резонанс.

Я не отношу себя к противникам преподавания разговорного иврита и сленга как таковых и сожалею, если моя позиция была расценена таким образом. Но, по моему глубокому убеждению, у каждого действия должна быть четко поставленная цель. Сленг – крайне интересный слой языка, позволяющий ощутить "вкус" языка, но, вместе с тем, сленг крайне изменчив. Его необходимо изучать, но с оглядкой на источники. Я полностью согласна с мнением Е. Марьянчика и О. Тафровой, что хотя студенты-филологи должны быть непременно знакомы с этим пластом

языка, не стоит торопиться включать сленговые слова и выражения в активный словарный запас, если только наши выпускники хотят, чтобы их воспринимали всерьез, и не боятся показаться смешными. Я бы тоже не рекомендовала студентам, не прожившим в Израиле хотя бы нескольких месяцев и не овладевшим в полной мере фонетической системой языка, использовать сленг даже на рынке. То же касается разговорного иврита, ни в коем случае не тождественного сленгу.

Но основная проблема состоит в том, что преподавание иврита в вышеозначенных вузах представляет собой другую крайность. Мои слова о невозможности изучения разговорного иврита в университете были не совсем верно поняты. Курсы, преподаваемые А. Крюковым, важны для изучения языка, но овладение разговорными навыками не является их целью. Один или два семестра не могут существенно изменить коммуникативные навыки студентов. Необходим регулярный курс занятий, на которых студентов учили бы именно разговаривать, развивали бы их реакцию и восприятие устной речи. Да, именно уметь непринужденно *болтать* на иностранном языке. Рекомендуемый стиль речи я бы определила как нейтральный с вкраплениями разговорного иврита и даже сленга. Проблема в том, что на данный момент ни часов, ни преподавателей в достаточном количестве просто нет. Возвращаясь к изложенному в статье, повторю, что с этой точки зрения лучше, чтобы с определенного момента со студентами работал носитель языка. Как совершенно верно отмечает И. Гаеир, "цель может быть достигнута и в России, но только с учителем-уроженцем Израиля, в совершенстве знающим иврит, но одновременно являющимся профессиональным филологом, лингвистом и преподавателем". Остается только горько сожалеть, что у нас пока нет таких специалистов.

Все силы преподавателя уходят не только на разъяснение и отработку нормативных конструкций, но и на "войну" со словами, не признанными Академией, но повсеместно встречающимися. Равноценными ошибками считаются употребление не используемой в источниках формы, неверное ударение, ошибка в грамматике и определенном артикле. Но ведь весь этот "беспредел" давно зафиксирован в учебниках, и чем новее наш учебник, тем чаще в нем встречаются неправильные формы и тем сложнее их

опровергать. Я осознаю, что отрабатывать именно не рекомендованные АЯИ конструкции специально не стоит, но предоставить правдивую информацию об употреблении той или иной формы мы обязаны.

Мне часто пеняют на то, что студента снисходительно и исключительно из добрых побуждений поправят носители языка, услышав из его уст то, что покажется им неверным. Но у меня есть все основания полагать, что ввиду всех ошибок, допущенных в системе образования Израиля, его коренному жителю скорее может показаться странной и неестественной нормативная форма, которую ему никогда не доводилось встречать, и он, возможно, исправит ее на более понятную, но не обязательно правильную. "Чистый и правильный иврит", как пишет О. Тафрова, действительно пленяет своим звучанием и красотой. К сожалению, некоторые сложности и противоречия в методических пособиях затрудняют восприятие этого прекрасного языка. И здесь есть, о чем подумать, ведь на нем никто не говорит.

Каждый решит сам, какой стиль языка ему ближе, и как он хочет, чтобы его воспринимали окружающие, ведь разговор на сленге для иностранца – крайность не большая, чем использование в речи литературных и высоких конструкций, например לְרִיבֵיךָ или אֶלְמָלֵךְ. Пример из русского языка, приводимый Е. Марьянчиком, с наглядностью это демонстрирует: слово *толика* (с ударением на втором слоге – в отличие от общепринятого варианта) будет резать слух большинству носителей языка вне зависимости от уровня образования и напрашиваться на исправление. Информация, почерпнутая из словаря, может поставить говорящего в неудобное положение.

Очень не хочется, чтобы работа преподавателя становилась все больше похожа на борьбу с ветряными мельницами. Язык – живой организм, и не надо отказывать ему в этом праве.

Об авторах

Бакулина Наталия Валериевна, научный сотрудник института педагогики АПН Украины, Киев.

Баркусская Ирина Рафаэлевна, преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и Высшей гуманитарной школы им. С. Дубнова, Москва.

Вязигина Ксения Александровна, учитель иврита в средней общеобразовательной школе № 1311 г. Москвы.

Гамеир Иггаль (יגאל המאיר) – представитель Министерства образования Израиля по вопросам образования в школе "Шорашим", С.-Петербург.

Дубнова Керен (קרן דובנוב), ученый секретарь Академии языка иврит, Иерусалим.

Едовицкий Михаэль (ד"ר מיכאל ידוביצקי), Ph.D., заместитель директора бюро СНГ департамента образования Еврейского Агентства для Израиля, Иерусалим.

Збарская Раиса Семеновна, учитель иврита в средней общеобразовательной школе № 1621 г. Москвы.

Зыскин Игорь Владимирович, ст. преподаватель ГКА им. Маймонида, преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова.

Колода Светлана Александровна, преподаватель иврита Горловского педагогического университета, г. Горловка Донецкой области.

Крюков Александр Александрович, к. и. н., доцент ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и ГКА им. Маймонида, зав. кафедрой иврита Высшей гуманитарной школы им. С. Дубнова, Москва.

Лерер Илья Изевич, учитель иврита в средней общеобразовательной школе № 1299 (союза ОРТ) г. Москвы, преподаватель ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и Высшей гуманитарной

школы им. С. Дубнова; лауреат Всероссийского открытого конкурса "Педагогические инновации – 2004", Москва.

Марьянчик Евгений Борисович, к. т. н., профессор, зав. кафедрой иврита ГКА им. Маймонида; зам. зав. кафедрой еврейских языков, ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва.

Свет Марианна Викторовна преподаватель ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва.

Тафрова Ольга Владимировна, преподаватель иврита ульпана Еврейского Агентства для Израиля в г. Донецке; студентка ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва.

Токаренко Татьяна Александровна, преподаватель иврита Высшей гуманитарной школы им. С. Дубнова, г. Климовск Московской области.

Френкель Лия Менделевна, преподаватель иврита института изучения иудаизма в СНГ, Москва.

Шпекторова Наталия Ивановна, аспирант ГКА им. Маймонида; преподаватель иврита ГКА им. Маймонида и Высшей гуманитарной школы им. С. Дубнова, Москва.

Шпирко Илья Николаевич, преподаватель иврита ЦИиЕЦ ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова и Международного института XXI века, Москва.